

Самопровозглашенный селекторат Каково быть публичным интеллектуалом?

Кристофер ХИТЧЕНС

Слыханное ли это дело, чтобы кто-нибудь охарактеризовал самого себя как «публичного интеллектуала»? И может ли кто-нибудь ответить этими словами на вопрос: «А чем вы занимаетесь?».

Само выражение «публичный интеллектуал» иногда поражает меня – как словосочетание «органическая пицца». В конце концов, «неорганической» пиццы не бывает и трудно представить себе – по крайней мере со времен Иммануила Канта – интеллектуала, чьи идеи не выходили бы за рамки частного круга. Однако, судя по всему, у нас возникла нужда в термине, который отражал бы разницу между истинными интеллектуалами и конкурирующей прослойкой «лиц, формирующих общественное мнение» (*opinion maker*) или «экспертов» (*pundit*) – во многом благодаря тому, что последние тесно связаны с миром телевидения.

Я слышал однажды, как политолог Алан Вулф представился в качестве «ню-йоркского интеллектуала», провозгласив себя тем самым продолжателем традиции, восходящей к «отцам-основателям» журнала *Partisan Review*. Возможно, такое определение лучше всего характеризует наиболее устоявшуюся в Америке трактовку термина «публичный интеллектуал»; нетрудно заметить, что при этом имеются в виду преимущественно люди, работающие вне академии и, по сути дела, вне мейнстримовской печати; в прошлом это были либо независимые «вольные стрелки», либо учредители «авторских» журналов. Социолог Дэниэл Белл занял-таки профессорскую кафедру, но только после того, как получил необходимое докторское звание за ряд книг, которые были написаны безо всякой надежды на почетную должность в академии. Сьюзен Зонтаг, восхититель-

ная женщина, с которой я был знаком в последние годы ее жизни, не имела ни постоянной работы, ни надежного источника доходов, а иногда – и надежной крыши над головой. Гор Видал никогда не учился в университете (он даже не пытался получить высшее образование и был в этом – но только в этом – отношении похож на Джорджа Оруэлла, лондонского корреспондента журнала *Partisan Review*). Правда, можно привести и ряд контрпримеров, от Ноама Хомского до Натана Глейзера: некоторые из публичных интеллектуалов являются выходцами из академии, но мне не кажется, что это подрывает устоявшуюся у нас точку зрения. Определение «публичный интеллектуал» характеризует не столько то, что ты делаешь, сколько то, кем ты являешься. Многие академические ученые являются интеллигентными людьми и глубоко уважаемыми учеными, но почему-то ни у кого не повернется язык назвать их публичными интеллектуалами.

Никто из людей, о которых идет речь (за исключением разве что Вулфа), не мог сказать про себя: «Я интеллектуал». Дело в том, что это в определенном смысле титул, который следует заслужить: ты должен быть интеллектуалом в глазах других людей. Помню, когда мне было лет 15, я смотрел какую-то пьесу (ныне забытую), в которой об одном персонаже было сказано: «Он интеллектуал. Он решает свои проблемы при помощи собственного ума». И я тогда подумал, полубессознательно, что хотел бы, чтобы ко-

---

Опубликовано в журнале Prospect Magazine за май 2008 года (Выпуск №146)

гда-нибудь так сказали и обо мне. Но у меня такое чувство, что все идет к тому, что благодаря блогосфере, где царствует дух экспертократии, многие люди смогут запросто сказать о себе: «Я интеллектуал». Потребность в немедленном анализе возрастает с каждым днем, и от этого постоянно повышается статус индивидов, которые без малейшего стеснения высказывают свои (как было принято говорить) «сокровенные мысли».

Так что же в этом свете означает выражение «публичный интеллектуал»? Оно помогает нам обозначить тех, чья жизнь состоит в борьбе за идеи. Такой подход позволяет узнать нечто важное о той или иной культуре; так, русские интеллектуалы-диссиденты 1970–1980-х годов до сих пор могут служить в этом отношении эталоном. Характерно, что этот термин утратил свою изначальную связь с культурой Франции и с разговорами в кафе Парижа на левом берегу Сены. Когда читатели определяли рейтинг интеллектуалов по версии журналов *Prospect / Foreign Policy* в 2005 году, в лидирующую «сороковку» вошел только один француз, а во всем списке нынешнего года (100 позиций) их всего пять.

В нормальном мире я не мог бы оказаться по соседству с Вацлавом Гавелом (он занял четвертое, а я – пятое место); между тем это абсурдное событие произошло три года назад, когда проводился опрос под эгидой Prospect / FP

Но мне не пристало ограничиваться критикой других. Ибо я и сам достаточно часто появляюсь на телеэкране, чтобы произнести короткий спич по тому или иному поводу. Поскольку я отличаюсь необыкновенной легкостью в мыслях (то есть реагирую и пишу очень быстро), меня часто приглашают в телестудии, подвергая искушению порассуждать о различных материях в импровизационном стиле. Не скрою: это нередко доставляет мне большое удовольствие. Может быть, я беру таким образом реванш за те минуты, когда мне доводилось изрыгать проклятия, глядя на экран, или с негодованием отбрасывать газету. Тем не

менее я прилагаю усилия к тому, чтобы как можно чаще говорить «нет», получая подобные приглашения, поскольку меня не покидает ощущение, что в противном случае я рискую превратиться во всезнайку-попугая, всегда готового высказаться по любому вопросу.

Таким образом, мы подошли к мучительной проблеме публичного самозванства. В самом деле, чем отличается «хороший» публичный интеллектуал от самопровозглашенных экспертов-мудрецов, претендующих на формирование общественного мнения? Например, люди, которые не представляют никого, кроме самих себя, охотно участвуют в проводимых AOL референдумах и не моргнув глазом решают, например, чрезвычайно сложный вопрос о том, следует ли привлечь Элиота Спицера к судебной ответственности, сводя на нет разницу между юридически выверенным решением и своим легковесным мнением. Идея высоких интеллектуальных стандартов не имеет шанса выжить в среде, отравленной культом «опросов общественного мнения».

То, что можно было бы назвать «селектором», превращается в «самопровозглашенный селекторат», особенно часто культивируемый на популярных вебсайтах. (Вспомним, что среди критериев, выдвигавшихся Познером для составления соответствующих списков, значилось не только количество ссылок в научных работах и упоминаний в СМИ, но и число упоминаний на блогах «тысячников»). Недавно я наткнулся на вебсайт телеведущего Чарли Роуза, на котором постоянно проводятся опросы с целью определения рейтингов гостей его программы. Я обрадовался тому, что интервью со мной (1059 голосов) получило более высокую оценку, чем интервью с Махмудом Ахмадинежадом (505 голосов), Биллом Клинтонем и Джорджем У. Бушем (344 и 494 голоса соответственно). Но достаточно было сопоставить эти цифры, чтобы понять, что мир, в котором эти оценки имеют какое-то значение, существует только на вебсайте Чарли Роуза. В нормальном мире я не мог бы оказаться по соседству с Вацлавом Гавелом (он за-

нял четвертое, а я — пятое место); между тем это абсурдное событие произошло три года назад, когда проводился опрос под эгидой *Prospect / FP*. Последний раз я испытал сходное головокружительное чувство, когда в разделе “Style” газеты *Washington Post* подводились итоги года; по результатам опроса я был объявлен «выбывшим» из какой-то журналистской категории, в то время как консервативный эксперт Та-кер Карлсон в нее «вошел». «Все понятно, — подумал я, — за исключением одного. Как меня могли вышибить из категории, в которую я никогда не входил?»

Может быть, не так уж и неправы те, кто считает, что интеллект — это человек, который не боится идти наперекор общественному мнению? Должно существовать какое-то слово для обозначения тех мужчин и женщин, которые мыслят по-своему, не опасаясь обвинения в «элитизме» (или, по крайней мере, считая его менее страшным, чем обвинение в популизме); которые заботятся прежде всего о языке, ощущая его внутреннюю связь с истиной, и

которые способны распознавать и разоблачать ложь. Если такие люди обладают вдобавок ко всему чувством юмора и ощущением истории — тем лучше (как говорят французы, *tant mieux*).

Интеллектуал не должен стремиться «говорить правду властям» (распространенное, но бессмысленное выражение). Хомский с горечью напомнил нам, что власти чаще всего знают правду, но сознательно скрывают ее от нас. Интеллектуал обязан сохранять скептическое отношение к властям и ко всякого рода утопизму, не говоря уже о таких вещах, как ад или рай. Кроме того, он должен обладать способностью видеть настоящее через оптику исторического, прошлое — с точки зрения человека, живущего в настоящее время, а «чужие» культуры и языки — глазами интернационалиста. Иными словами, чем выше ваш рейтинг, тем более критическим должно быть ваше отношение к самому титулу «публичного интеллектуала».

Перевод Иосифа Фридмана

